

Минуты до...

(размышления на пути к вечному)

В реанимации.

В конце вторых суток нахождения в реанимационном отделении Центра им. В.А. Алмазова, мне стало неважно от безделья. Постоянное лежание на спине в костюме Адама работой, а уж тем более – делом, я назвать не мог. Хотя, многие со мной не соглашались, объясняя, что заниматься своим здоровьем – это тоже труд, причём большой. Я не спорил, однако...

Как известно, в подобных помещениях всё нельзя. Нельзя иметь при себе ничего своего, даже собственного нательного крестика. Таков порядок, с ним не поспоришь. Но смириться с таким положением мне было выше всяких сил.

И вот на третий день, чувствуя, что внутри зреет бунт и набухают симптомы, таящие в себе социальную опасность, я всё же осмелился попросить у сестрички чистых листов писчей бумаги и ручку.

Зная порядок, морально я был готов получить отказ. Но, зреющий бунт оказался сильнее, и я пошёл на этот дерзкий поступок. И, о небеса! Мне беспрекословно дали просимое. С этого момента нахождение в реанимации стало приобретать другой смысл – у меня появились орудия труда.

И тут случилось непредсказуемое. Вместо того, чтобы, измаявшись от безделья, заняться писательством, я крепко уснул, не выпуская из рук листы бумаги и ручку. Очевидно было потеряно много сил на совершение этого дерзкого поступка, и мой организм взял своё, чтобы восстановить силы. А наш организм, как известно, мудрее нас. И в этой ситуации он принял самое верное решение – заснул!

Проснувшись, я дерзнул попросить какую-либо твёрдую подложку под листы, чтобы удобнее было писать. Ведь писать лёжа не такое уж простое дело, особенно если нет твёрдого основания. Кто пробовал – тот знает. Правда, с этой просьбой я обратился уже к другой сестре, чтоб не прослыть в реанимации хроническим наглецом.

И снова удача, Фортуна была и в этот раз на моей стороне. Молоденькая медсестра, порывшись в закромах какой-то кладовки принесла мне пластиковую подставку, что обычно используют врачи при обходах. После этого я почувствовал себя кумом королю и сватом самому министру.

О медсёстрах.

В большинстве своём это были молоденькие и, к радости для глаз, симпатичные. О подлинной девичей их красоте можно было только догадываться, поскольку все они были в медицинских масках. Но их глаза говорили об их душевной красоте, а белые халатики подчёркивали их изящные фигуры. Правда, среди них иногда появлялись и женщины в возрасте, но общую картину восхищения молодостью они не портили, а скорее дополняли, наполняя её своей отзывчивостью, материнской заботой и мудростью.

Сестёр лучистые глаза

И их заботливые руки

Творят порою чудеса,

Утихомиривая муки.

* * *

Немного предыстории.

Ещё за несколько дней до того, как я оказался в реанимации, жена вдруг завела разговор о том, что мне неплохо было бы пройти обследование, поскольку

появились симптомы проблем с сердцем. К тому же в моём жизненном послужном списке уже числился инфаркт.

Я не возражал против её предложений, но всё отнекивался, оправдывая это целесообразностью перенести это занятие на весну, когда вся природа, возрождаясь после зимы, наполняет всё вокруг живительной силой и энергией. Осенью же, когда всё идет к зимнему успокоению, такой энергии нет.

К тому же приближался день проведения очередного крупного мероприятия, связанного с проектом «Золотая Книга», которое требовало много усилий и времени. Да ещё завершалась работа по подготовке очередной книги к печати. Так что было, как всегда, не до обследования.

Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. И случилась то, что является предметом описываемой здесь истории. Случилось это как раз осенью – в начале ноября, помимо всех моих предположений и планов.

* * *

Начало.

В один из вечеров в начале шестого мы с женой по сложившейся привычке лакомились поздним обедом, или, как посмотреть, ранним ужином. И ничего, как сказал бы классик, не предвещало неожиданностей. И вот в этот момент, без всякого предупреждения и на то основания, в моей груди с обеих сторон на уровне сосков полохонуло словно огнём, а грудину схватило так, что перехватило дыхание. Тело стало покрываться липкой влагой, а на голове появились крупные капли пота.

...Лет пять тому у меня уже случалось подобное, и я, памятуя прошлое, пытался унять боль с помощью глубокого дыхания. Однако, все мои старания были тщетны. Боль только усиливалась, приводя меня в состояние неадекватного восприятия окружающего. Жена предложила вызвать неотложку. Я её отговаривал, надеясь, что всё пройдет. ...Но не проходило.

Пометавшись между кухней, прихожей и туалетом, я сел в комнате на диван, судорожно сцепив руки и согнувшись пополам. Футболка намокала от пота, со лба на пол падали крупные капли.

Видя происходящее, жена взяла ситуацию в свои руки. Не найдя в домашней аптечке ничего подходящего для сердца, она метнулась к соседке. У той нашёлся нитроглицерин (правда, просроченный) и валидол. Ни то, ни другое мне не помогло.

* * *

Надежда на женщин.

Женщины в большинстве своём в экстремальных ситуациях склонны впадать в панику. А есть и такие, кто начинает, учитывая ситуацию, действовать решительно, принимая подчас самые кардинальные решения. К моему счастью моя спутница жизни была из тех, кто в решительные моменты становятся командирами. Вызывая скорую, она объяснила причины вызова, моё состояние и предысторию. Это, очевидно, повлияло на то, что приехала специализированная неотложка с опытными врачами, которая к моему счастью (это слово я буду повторять неоднократно) оказалась недалеко. Это, как оказалось впоследствии, было для меня спасительным.

Прибыли двое: мужчина и женщина, она была в бригаде старшей. Разглядеть их затуманившимся взором мне как следует не удалось. Заметно было, что они оба были внушительных размеров. С принесёнными с собой вещами они заполнили всё пространство комнаты.

К их приезду на полу уже образовалась и начала растекаться во все стороны достаточно внушительная лужица из падающих с моего лба капель. Глядя на мою скукоженную и согбенную фигуру, спросила: «как я себя чувствую?». Не получив членораздельного ответа на свои вопросы, женщина переключилась на жену. Врач

(к моему счастью) тоже оказалась из когорты командиров. Под её командованием оказались и моя жена, и её напарник, очевидно ассистент. И вот тут на практике был явлен пример: что такое талантливо командовать и гениально подчиняться.

Врач распорядилась, чтобы жена готовила все документы. Занимаясь с женой, одновременно давала напарнику указания. Тот, раскрыв свой походный саквояж, начал их выполнять. Действовали чётко, быстро и слаженно. Уложив меня, сделали укол, приснули под язык, сделали кардиограмму, введя катетер, поставили капельницу и взяли кровь на анализ. При этом врач успевала потчевать меня таблетками. Ассистент всё выполнял быстро и беспрекословно. Поверх маски, закрывающей почти всё его лицо, выглядывали выразительные глаза. Мелькнула мысль: «азербайджанец». Бригада действовала настолько стремительно, что я своим затуманенным сознанием не успевал следить за происходящим.

Посмотрев кардиограмму, врач приказала напарнику: «носилки». И тут неожиданно я пожелал поучаствовать в процессе, пролепетав, что и сам могу пойти. На что получил от медбрата решительное, не терпящее возражения, объяснив, что мне сейчас вертикально находится никак нельзя.

Обратившись к жене, врач поинтересовалась, есть ли среди соседей на лестнице мужчины. Не получив от неё чёткого ответа, врач сама буквально высочила на лестницу. Отсутствовала буквально мгновения. В это время её напарник паковал мне в носилки, закрепляя ремнями и застёгивая защёлки. Буквально через какие-то мгновения врач вернулась в сопровождении четырёх мужчин, о существовании которых, живя с ними на одной лестнице не один год, мы даже и не догадывались. Они возвышались надо мной, лежащем на полу, и казались мне великанами. Лиц их рассмотреть я был не в состоянии.

Теперь, по прошествии времени, даже как-то неловко – не знаешь, кому сказать спасибо за собственное спасение. Медбрат дал всем указания за какие ручки братья за носилки и как нести. Мне в руки он вложил капельницу. Выносили меня впятером, включая командовавшего парадом медбрата, можно сказать, всей лестницей. Протискиваясь в дверях, мужики вытащили меня из квартиры головой вперёд, и были готовы в таком же положении нести меня по лестнице, но медбрат резко распорядился развернуть меня ногами вперёд, объяснив, что я – их пациент. С двумя короткими передышками с пятого этажа (правда на лифте) меня доволокли до машины скорой помощи, где водитель уже приготовил каталку, на которую меня ловко погрузили и втокнули в чрево автомобиля.

Просьба жены поехать со мной была пресечена врачом самым решительным образом. На вопрос жены: «куда меня повезут», она резко ответила: «пока не знаю» и пообещала сообщить ей куда меня доставят и что ей делать дальше. В этом стремительном вихре событий, я даже не попрощался с женой, впервые расставаясь с ней мы не поцеловавшись.

По дороге в...

Пока меня спускали к машине врач уже с кем-то вёл переговоры. Даже в своём состоянии я заметил, что разговаривает она с кем-то на повышенных тонах. Свой разговор о моём привозе с этим «кем-то» она продолжала и в автомобиле пока мы ехали. Она объясняла ситуацию и давала чёткие указания. Они были похожи скорее на приказы, понять их смысл я был не в состоянии. Пару раз она даже переходила на крик.

Мне в тот момент было уже всё равно, что со мной делают и что вокруг происходит, сознание было в густом сером тумане. Медбрат успокаивал меня, говоря, что так оно и должно быть. Положив мне на лицо кислородную маску, он периодически наклонялся ко мне и спрашивал: «Как я себя чувствую?». На что я ему кивал головой.

За окнами неотложки мелькали уличные фонари, рекламные плакаты. Куда меня везут я не имел никакого представления, да это меня, признаюсь, и не заботило. Последнее, что мелькнуло за окном, была часть огромного ярко светящегося на фоне чёрного неба слова: «Алмаз...». Мелькнула догадка: Центр Алмазова, и тут же пронеслась мысль: «Ну вот, теперь я в надёжных руках».

Разговор врача и её слова, не терпящие возражения, очевидно возымели действия. Не успели ещё до конца распахнуться двери неотложки, как к машине подошли люди и, спросив у бригады скорой помощи мою фамилию, подхватили каталку, на которой я лежал, и покатали её с такой скоростью, что у меня только голова подпрыгивала на всяких порогах. В эти мгновения туманом окутало успокоение – я положился на волю Всевышнего.

Везли меня настолько быстро, что моментами возникало ощущение полёта. Везли, как мне показалось, целую вечность: коридоры, лифты, коридоры, бесчисленные двери. А катили меня, это важно уточнить, две женщины. Мгновениями, несмотря на мою неадекватность, меня даже охватывало чувство восхищения их умение так виртуозно владеть каталкой, на большой скорости вписываясь в повороты и двери лифтов. В туманном моём сознании мелькнули слова: «Шумахер отдыхает».

* * *

Операция.

Влетели, иначе не скажешь, в какую-то комнату, как я понял потом – в реанимацию. Там нас уже ждала целая бригада, которая со всех сторон приступила ко мне: один стаскивал с меня одежду, другой снимал цепочку с нателным крестиком, третий уже снимал кардиограмму, а надо мной засветился глаз рентгеновского аппарата. К катетеру, что был поставлен ещё врачом скорой помощи, подсоединили ещё одну капельницу. Врач, очевидно, назначенный, для того, чтобы осуществлять надо мной кураторство (в моей терминологии), приступил ко мне с какими-то бумагами.

Он сказал, что я наверняка догадываюсь, что со мной будут делать, поэтому не будет тратить время на разъяснения. Он сунул мне в руку ручку и ткнул пальцем в бумаги, показав где я должен расписаться. Каракули, которые я оставил на бумагах, мало походили на мою подпись, но врача это нисколько не смутило. Тут же появились два бравых хлопца в одинаковой униформе и масках – ну прямо группа захвата. Они с ещё большей скоростью повезли меня ещё куда-то. Оказалось, в операционную. Там нас тоже уже ждала бригада из 5-6 человек.

По дороге курирующий врач изучал кардиограмму и результаты, как я догадывался, экспресс тестов, которые были сделаны ещё в карете скорой помощи. Он на ходу задавал мне какие-то вопросы, не получая от меня вразумительных ответов. Будучи переваленным в операционной на какой-то холодный стол, я оказался в окружении различной аппаратуры. Молоденькие сестрички (это-то я заметил) оголили меня. Одна меня стала брить, другая – обильно мазать какой-то холодной жидкостью. Её она не жалела. Двое хирургов и, очевидно, ассистент (все трое, как на подбор, высокие ребята) в это время колдовали надо мной, делая каждый своё дело. Один делал местную анестезию, другой вводил в вену на запястье (кстати, очень болезненно) какое-то приспособление, ассистент выполнял поручения обоих. Хирурги начали изучать меня с «чистого листа». Такое предположение у меня возникло из их фразы: «Войдём, увидим».

Курирующий врач, суевившийся в операционной, всё продолжал приставать ко мне с вопросами. Особенно его интересовало, почему я не принимал таблетки, даже аспирина. Откуда он об этом узнал, мне не ведомо. Но он всё допытывался:

«почему». Может я ему успел проболтаться по неосознанке, то ли врач скорой помощи, узнав эту секретную информацию от жены, успел сообщить её врачу-куратору. Его интересовало: то ли я не принимал таблетки из принципиальных соображений, то ли из экономических. Удовлетворить его любопытство по этому поводу и сообщить ему что-либо членораздельно я был не в состоянии, и он, наконец, от меня отстал. И сделал это он в то время, когда над моей головой стал производить манипуляции какой-то аппарат похожий на экран, который чуть не задевал меня по носу.

Хирурги ввели в вену какое-то устройство и начали «изучать» состояние моего сердца и сосудов, переговариваясь между собой и высказывая свои мнения. Один из хирургов (очевидно, старший) командовал всей бригадой. Часть моего сознания была при мне, и я слышал, что говорили между собой хирурги, однако из их разговоров я ничего понять не мог, язык у медиков, надо признать, очень специфический. Однако некоторые слова мне были понятны, как-то: «всё в хлам... всё в хлам...» или «вот он, давай бомбить...».

После этой «бомбёжки» я сразу почувствовал облегчение. Хватка невидимого зверя, что изгалялся в своей свирепости у меня в груди, стала ослабевать и вскоре пропала вовсе. Стало легко дышать. Значит «разбомбили», сделал я вывод.

Операция, как мне показалось, прошла довольно быстро. Об этом я мог судить по тому, что меня в течение операции не замучало желание помочиться, как это было в предыдущих подобных случаях. А их в моей практике было уже три.

Закончив операцию, хирурги, творившие её, передали меня медсёстрам, которые транспортировали меня в операционную. Первое, что бросилось в глаза, были часы, висевшие над дверью. Они показывали время – 21:15. Это, почему-то врезалось мне в память.

В операционной меня опутали проводами и установили вокруг кровати, на которую меня уложили, частоккол стоек для капельниц. Их было пять! В моей практике это был своего рода рекорд (лучше бы таких рекордов не было). На каждой, как спелые плоды, висели ёмкости разного объёма и содержания, источавшие в меня каждый свою целительную жидкость. В их окружении я провёл целую ночь, наутро три капельницы были сняты.

* * *

Прозрение.

Частично осознание произошедшего ко мне пришло на следующее утро, когда во время врачебного обхода я слушал доклад дежурного врача. Остановившись возле моей кровати, он сообщил старшему в группе: «Вот наш новый субъект, доставили вчера вечером, успели доставить вовремя, перехватили тромб, операция, слава Богу, прошла успешно...» Дальше был уже диалог со старшим по поводу что и как со мной делать, из которого я мало что понял.

Услышав про тромб, я приблизительно понял, что со мной было. Мне стала понятна та решительность действий бригады скорой помощи и скорость, с которой меня доставили в реанимацию, а затем в операционную. Также стало понятным слово хирурга: «бомбить».

* * *

Цена времени.

За три с небольшим часа (с момента, когда приехала скорая помощь, до момента, когда после операции меня привезли в реанимацию), в течение которых по попущению Всевышнего решалась моя судьба, надо мною трудилось большое число людей, чтобы избавить меня от недуга. Сколько труда и средств было потрачено, чтобы мне помочь. А я не могу этим людям даже сказать простое «спасибо», не знаю этих людей по имени отчеству. Я даже не помню их лица. Всё что я могу сделать –

это поблагодарить Бога за спасение и таким образом – отблагодарить людей, исполнявших Его волю.

* * *

Сюжет в операционной.

Какой диагноз можно поставить человеку, который на вопрос: «Какой у вас вес?» ничтоже сумняшися отвечает: «71». Такой ответ дал я на вопрос хирурга в операционной. На самом же деле, по жизни у меня было стабильно 57. А ведь для хирурга это очень важная информация. Я могу только догадываться, что подумал он, услышав мой ответ и глядя на мои тощие тела. Услышав мой ответ, он неопределённо хмыкнул, очевидно поставив свой вывод насчёт меня и моей адекватности. Наверняка у него был намётанный глаз, и он не стал больше докучать мне вопросами.

* * *

Разные миры.

Глядя на молоденьких девчат и молодых женщин, хлопотавших в реанимационной и хирургическом отделении, ухаживающих за немощными людьми и выполняющих порой самую неприглядную и неэстетическую работу, невольно пришло сравнение их с их сверстницами – обитателями бесчисленных офисов и СПА салонов, живущих по понятиям гламурного мира. Какая разница в образах жизни, а может и глубже – в мироощущении и понимании своего предназначения. Вспомнились сёстры милосердия, которыми была богата Россия, а культура милосердия была неотъемлемой частью бытования людей, начиная с императорских фамилий. Вспомнить, хотя бы Екатерину Михайловну Бакунину – дочь петербургского губернатора, посвятившую свою жизнь жертвенному служению людям. Это истинные дочери Матушки России.

Что заставляет (побуждает) их трудиться на столь благородном и в то же время трудном поприще. Ведь уход и заботливое внимание к немощному – это основа основ человечности людей.

Эти девочки и женщины где-то на генетическом уровне приняли эстафету поколений, создавших Русь-Россию и сделавших её непобедимой и физически, и духовно.

* * *

Образ командира.

Пытаюсь же сколь-нибудь восстановить образ женщины – врача скорой помощи. Но ничего не получается. Лица не помню. Но остались воспоминания о её габаритной фигуре и властности голоса. И невольно приходят на ум слова из стихотворения Некрасова: «...Коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт». И, как показала история России, заменит мужика в лихую годину на всех фронтах.

Как она в тандеме с дюжим своим напарником медбратом, в случае со мной, взяла всю инициативу на себя. В тот момент всё находилось в её воле и власти. Её стремительность, быстрота и решительность в голосе были решающими, и сделали всех (меня, мою жену напарника-медбрата, соседей по лестничной клетке, а, возможно, и персонал Цента им. Алмазова, с которыми она переговаривалась пока мы ехали в карете скорой помощи) послушными исполнителями её воли, её распоряжений похожих скорее на приказы. Так, наверное, слушаются солдаты своих командиров во время сражений. Ведь недаром говорят, есть две ипостаси: талантливо командовать и гениально подчиняться.

* * *

Сергей Григорьев, 2022 год